

A white goat with long, curved horns is eating green grass in the foreground. In the background, there is a rustic wooden building with a dark roof and a metal structure on top. The scene is set in a rural, outdoor environment with trees and a cloudy sky.

Ольга Леопольдовна Краузе

ПОКА ОНИ СПЯТ

Фантастическая повесть

Ольга Леопольдовна Краузе

Пока они спят.

Фантастическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27433528

ISBN 9785448596582

Аннотация

Одна молодая и глупая жена охотника, не дождавшись своей очереди в супружеской постели, пошла искать утехы на стороне и, забредя за городские ворота, встретила одинокого павиана, вволю насладившись им, вернулась домой. Когда же понесла от этого блуда, то обманула мать мужа, сказав ей, что это плод супружеской благодати. Так, благодаря измене и обману, появилось на свет наше племя.

Содержание

Шу, который поёт	5
Дочь начальника стражи	8
Угроза	11
Ильчи	13
Странные люди	14
Сон	17
Колдун из племени Чар	18
Жена	22
Знакомое селение	25
Дом	30
Дети	32
Роды	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пока они спят
Фантастическая повесть

Ольга Леопольдовна
Краузе

© Ольга Леопольдовна Краузе, 2017

ISBN 978-5-4485-9658-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шу, который поёт

У каждой жизни своя дорога. Шакалы и вороны следуют за охотником и подбирают его объедки. Мартышки с крысами следуют за охотником и роются на пепелище его стойбища. А мать охотника несет часть добычи ее сына на базар, чтобы выменять эту часть на продукты от землепашца у его матери. А жены охотника, приглядывая за детьми, караулят и поддерживают жизнь огня в домашнем очаге, выделывают шкуры охотничьей добычи, вялят мясо и пекут лепешки.

Сын Богини Дизи, сам великий Ар небесным огнем высек основной свод законов для людей на Черном Камне Правды. Только в этом законе про нас ничего не написано, потому, что мы появились потом.

Одна молодая и глупая жена охотника, не дождавшись своей очереди в супружеской постели, пошла искать утехи на стороне и, забредя за городские ворота, встретила одинокого павиана, вволю насладившись им, вернулась домой. Когда же понесла от этого блуда, то обманула мать мужа, сказав ей, что это плод супружеской благодати. Так, благодаря измене и обману, появилось на свет наше племя.

Мы колдуны, артисты и воры. Кто из нас не владеет искусством пляски по натянутому канату – тот должен уметь ловко потрошить карманы и сумки ротозеев, любующихся искусством канатного плясуна или колдовскими чарами при-

влекать простаков, чтобы они сами несли нам добычу своего рода. Потому-то мы, бродяги, не таскаем за собой жен и детей. Зачем? Жена заблудившегося охотника сама не прочь заглянуть в нашу кибитку. И если у нее родится сын, который потом, когда вырастет, окажется не пригодным к охотничьему ремеслу – она приведет его к нам.

Раз наше племя не указано на Черном Камне, значит все перечисленные там законы не для нас. У нас свои законы, выбитые кнутах и палками на наших спинах. И самый главный из них гласит: НЕ ПОПАДАЙСЯ! А второй закон гласит: Если попался – не выдавай свое племя, даже если тебя будут пытаться или угрожать смертью. А смерть нам не страшна, потому что после нее мы возрождаемся в павианах и вольно кочуем по зеленым лесам до самой смерти, пока снова не родимся в семье простофили-охотника, чтобы подрасти, окрепнуть и вернуться в свое племя.

Вот уже пятый сезон дождей, как я сорвал охоту своего рода. В мою западную угодила коза с козлятами. Коза сломала переднюю ногу, а три козленка были совершенно невредимы. Я отпустил козлят, а козу не зарезал, а привязал к сломанной ноге струганную палку, облепил ногу с палкой глиной и стал за козой ухаживать, как за больным ребенком. С той поры все охотничьи неудачи нашего рода были причиной того, что добычу не убили и не съели. По законам Черного Камня, я сам должен был перерезать горло этой козе, и высосав ее глаза, отдать тушу женщинам рода, чтобы они раз-

делали ее. Но я не только этого не сделал – я никого не подпустил к моей козе. Тогда, наконец, в роду поняли, от какого я племени. Но мою мать уже никто не мог обвинить или наказать – она умерла еще при моем рождении.

С тех пор я с племенем Рогуш и со своей козой скитаюсь от базара к базару и гадаю наивным женщинам, сочиняя то, что они так жаждут услышать.

Я счастливый человек. Даже не представляю, как можно было жить иначе. Как можно было родиться и жить в чужом племени, когда есть свое, такое близкое и понятное племя Рогуш.

Дочь начальника стражи

Мой отец начальник стражи. Люди его боятся. Поэтому все парни нашего города в мою сторону даже не смотрят. Но отца это ничуть не беспокоит. Он, еще десять сезонов дождей тому назад, сосватал меня старшему советнику. Старший советник злой и противный. Хоть он и богатый человек, но у него всего две жены. Причем, одна очень старая, которую он постоянно колотит, но никак убить не может, а другая молодая, которая больше года у него не живет, поскольку он ее убивает, и берет себе новую вторую жену. Мой отец не дурак, он все прекрасно понимает, но десять сезонов дождей тому назад я очень больно укусила его за палец, за что он меня проклял и сосватал старшему советнику.

Зато, после этого сватовства, он продал в соседний город мою няньку и я стала свободной до самой свадьбы. Да и какой смысл меня охранять, если парни нашего города в мою сторону не смотрят, а заезжие торговцы вольную девушку не тронут им за хороший товар и так умелую и гладкую рабыню дадут.

Однако, есть на базарной площади один оборванец из шайки проходимцев, который мне подмигивает, когда поет свои сладкозвучные песни, пока его подельники тащат у зевак все, что без присмотра. Знаю, он многим подмигивает, но он подмигивает и мне, а его брыкливая коза позволяет

мне чесать ей бока.

После сезона дождей, который наступит на четвертое новолуние, когда подсохнут поля для посева, моя свадьба. Я стану женой старшего советника, откушу ему нос в первую же брачную ночь, за что с меня живьем снимут шкуру, и повесят ее на базарной площади в назидание всем непокорным женам. Или я убегу с этим оборванцем из города и умру где-нибудь на дороге. Зато он до самой моей смерти будет петь мне свои колдовские песни, от которых люди забывают, что они голодные и к сезону дождей могут остаться без крова.

Сегодня я залезла в его кибитку, пока он где-то шлялся, и дождалась его возвращения. Он был готов прогнать меня, но я принесла полный подол первого в этом сезоне зрелого инжира и корзину капустных листьев для его козы, и спела ему песню, которой он нигде и никогда не слышал. Еще бы, ведь эту песню я выдумала сама прошлой ночью, когда извертелась без сна, пытаясь прогнать мысли об этом оборванце. Он спросил меня, много ли я знаю таких песен – я сказала, что кучу, но все подряд ему выкладывать не собираюсь, хватит с меня и по одной песне в день. А он обрадовался, как дитя новой игрушке и сам попросил меня прийти к нему завтра.

Значит и завтра будет песня, обязательно будет песня и пусть моя следующая песня увлечет его, чтобы он снова и снова ждал меня в своей дырявой и продутой насквозь ки-

битке.

Счастью моему не было границ, вся жизнь до встречи с этим парнем утонула в водовороте новых песен, и дом родной с тигровыми шкурами, и разноцветными коврами постыл, а в его кибитке хотелось поселиться навсегда.

Угроза

У моей козы жирное молоко и характер капризной женщины. Она часто убегает от меня, но не на долго. Когда вымя ее распирает, голос этой плутовки слышен на весь город. Так она кричит, чтобы я нашел ее, схватил за рога и выдоил. А если на ее молоке развести муку и испечь лепешки – обязательно на запах прибежит Ильчи, дочь базарного стражника, и заберется в мою кибитку. Она еще совсем молодая, только грудь слегка округлилась, но уже научилась обманывать мать и петь завлекательные песни. А у меня почти пробиваются черные усы, но жениться мне нельзя никогда. Нет дома, куда бы можно было привести жену и надежно запереть от порчи. В нашем племени женщина только обуза. Я не трогаю дочь стражника, хоть и по сердцу мне ее песни. Мужчины моего племени имеют дело только с чужими женами, а Ильчи еще ничья не жена. Но она зорко следит за мной и готова вцепиться в любую оглянувшуюся на меня бабу.

С тех пор, как Ильчи стала забираться в мою кибитку, я окреп голосом и, когда зазываю на представление народ, способен переорать любую базарную торговку. В этом городе я не гадал женщинам – Ильчи не давала. Но племя придумало для меня другую работу. Я забираюсь на крышу своей кибитки и распеваю песни, внимательно наблюдая, как орудуют наши карманники и щипачи. Если замечу опасность – сра-

зу же бью в бубен и ору песенку про быстрые ноги, которые должны уметь не только бегать, но перепрыгивать любые заборы.

А когда задует ветер странствий, мы должны покинуть этот город, чтобы в сезон дождей укрыться в своей заповедной пещере, где ждет нас голод и холод, где есть проход к подземной реке, по которой мы сплаваем своих мертвых. Эта река потом вырывается из скалы и с шипением, огромной белой змеей падает в зеленую страну павианов. В страну нашего обновления. Поэтому еще никто из нас не умер своей смертью за пределами пещеры. А тех, кто погибал во время странствий, старый Крен высушивал на солнце, только одному ему известным способом и, замотав соломой, крепил на крыше своей кибитки, чтобы привезти его в нашу пещеру.

И не спрашивайте меня, где эта пещера. Я и так слишком уж много болтаю. Но болтать мое ремесло. Должен же кто-то морочить вам голову, пока мои соплеменники чистят ваши карманы.

А вчера отец Ильчи вытащил ее за волосы из моей кибитки, а мне пообещал оторвать яйца. Ильчи упиралась, визжала и откусила своему родному отцу ухо.

Старый Крен сказал, что сам себе я не способен так гладко гадать, как заливаю вам и вашим женам, а он-то видит, что до сезона дождей в этом городе меня, если не убьют, то обязательно сделают евнухом, и тогда я разжирею, и съем собственную козу.

Ильчи

Я уже готовила большую и голосистую песню, которой смогла бы убедить Шу забрать меня из этого города и увезти на край света, когда мой отец ворвался в его кибитку и за ноги вытащил меня оттуда. Хорошо, что я смогла извернуться и укусить его до крови за ухо, а то бы он убил Шу, а так только вертелся от боли на месте и истошно кричал, что оторвет ему яйца.

Теперь я сижу запертая в нашем курятнике, а мой отец по всему городу гоняется за соплеменниками Шу, пытаюсь поймать и скормить крокодилам моего возлюбленного, потому что старший советник прослышал про этот скандал и наотрез отказался на мне жениться. Больше всего старшего советника возмутило, что я не принимаю покорно заслуженное наказание, а сразу же начинаю кусаться. Отец не хочет больше ждать ни сезона дождей, ни когда земля подсохнет после. Он решил отдать меня в жены своему помощнику, лупоглазому верзиле Ако, вечно потному, сопливому и страшно воюющему, ему даже нос откусить противно.

Странные люди

Ильчи, конечно, очень милая девушка, но моя коза, мои яйца и моя жизнь мне дороже. Поэтому я быстро собрался, впряг себя и козу в кибитку и тронулся в путь. До вашей деревни я шел три дня и три ночи. А теперь сижу у вас во дворе и лечу вашего дедушку. Странные вы люди. Везде, где бы я ни был, старость не лечится. Старость обуза для молодых. Обычно старики или уходят в пустыню на съедение гиенам, или бросаются со скалы, или заплывают в царство аллигаторов. А вы держите вашего дедушку на почетном месте, в тени, кормите и оmyваете лимонной водой. С моей козы гораздо больше проку, чем с вашего дедушки, но раз вы так хотите – я разомну его скрюченные ноги, и он еще переживет пару сезонов дождей... Только вы объясните мне: Зачем кормить человека у которого нет ни одного зуба?

Странная эта деревня, где меня приютили. Здесь командуют старики. Везде, обычно, стариков выгоняют и правят сами. И в нашем племени Рогуш старый Крен давно бы отправился в страну Павианов, но он знает секрет, как высушивать наших покойников и больше никто этого секрета не знает. Наверное, в этой деревне старики тоже знают какие-то секреты и не спешат делиться ими со своими соплеменниками.

А тут я заметил, что они стали молиться на мою козу.

Я и сам знаю, что она не дура, но чтобы плести ей венки и скармливать отборный виноград... Да, кто она такая? Ну, придумал я с ней пару фокусов, а воду находить она и без меня умела. Еще старый Крен догадался – где моя коза копытом бьет, там нужно копать и вода не далеко. А вчера младшая жена хозяина не утерпела и спросила, каким именем зовут мою козу. Вот еще глупости! Я свистну, и она сама придет. Зачем для козы имя? Но оказалось, что молились на нее не зря.

Однажды, когда ей приспичило долго и противно бляеть, я привязал ее к большому дереву, потому как уже выучил козы повадки и знал, что так она орет только когда собирается в загул. А на ее крики прискакал могучий козел с прекрасной золотистой шерстью, изумрудными глазами и крутыми белыми рогами. Хозяин с сыновьями поймал этого козла и не успел даже еще подумать, как бы перерезать козлу горло, как на крики козла сбежалось целое стадо. Жители деревни быстро и умело поймали и скрутили всю эту скотину. И опять проснулся во мне голос племени Рогуш. Люди – сказал я – зачем убивать этих животных, когда они все, как моя коза, станут со временем вам послушны? У вас будет много молока и вы сможете печь такие лепешки, которые по зубам не только малым детям, но и вашим старикам.

С той поры люди этой деревни не ходят на охоту, а пасут своих коз. А еще, благодаря моей козе, жители этой деревни нашли воду рядом с большим камнем и вырыли там пруд,

в котором теперь все дни на пролет сидят старики и плещутся дети. Если же кто понимает, то старость приходит, когда человек сохнет, а вода изгоняет старость. Вот так бы там, с ними жить и жить, но старики решили меня женить на дочери своего знахаря. Девушка ядреная, да ни капельки не похожа на Ильчи. Еще и ветер странствий задул... И я, стянув связку сушеных лепешек и два кувшина молодого красного вина, свистнул своей козе придорожную песню, впрягся с ней в нашу кибитку и, пропав на рассвете за горизонтом, отправился в сторону заветной пещеры, чтобы опередить соплеменников и приготовить пристанище к сезону дождей наилучшим образом.

Сон

По дороге, на двенадцатый день странствий, когда я отдыхал на привале, в тени железного камня, приснилось мне, будто коза моя со мной разговаривает и речь ее ясна и понятна. Это, наверное, потому, что сам я всегда говорю с ней в пути. А с кем же еще делить свои мысли, если идти далеко и долго, а рядом больше никого нет?

И говорит мне коза: «Эй, Шу, я не просто коза, которую ты не добил на охоте и оставил жить при себе. Я воплощенный дух снежной вершины горы Дзеб, до которой ты никогда не дойдешь, которую ты не видел и не увидишь. На той горе сядут не рожденные дети, которым ты дашь жизнь перед самой своей смертью, их вскормит самка леопарда не убитая тобой».

Ах, как все красиво рассказала мне коза в этом сне. Что бы она и наяву так сладко пела... Я бы, в базарные дни, столько выручки приносил своему племени, что никому бы не потребовалось воровать. Все и так были бы сыты.

Колдун из племени Чар

А на следующий день, после этого сна, попался мне по дороге дряхлый, беззубый колдун. Бродячими колдунами в наших краях становятся старики, обманувшие свое племя. Все думают, что они, давно насытив желудок аллигатора, всплыли и осели жирным дерьмом на прибрежных заливных лугах, а они скитаются по дорогам и морочат путникам голову за кусок пресной лепешки. Вот такой колдун пристал ко мне по дороге, испросив разрешения прокатиться в тени моей кибитки. Он был настолько худым и легким, что мы с козой не заметили особой разницы, таща за собой кибитку, что с ним, что без него. Зато этот колдун пел песни, которые даже мне еще неведомы и наврал кучу новых сказок. И теперь, если мы с племенем заглянем на тот базар, где еще не так давно бывали, мне будет чем развлекать людей не боясь повториться. И я счел своим долгом разделить трапезу на привале с этой дряхлой развалиной.

– Ты, сынок, вырос на редкость добрым юношей. Я рад, что дожил до встречи с тобой. Теперь душа моя спокойно может отлетать за хребет Каменного Ящера, на белоснежную вершину горы Дзед. Я развлеку тебя своей последней сказкой. Ты не сын племени Рогуш. Ты мой сын. А я Хал, сын племени Чар с долины подножья горы Дзед. Мы целители и шептуны. Когда-то отец твоей матери, которого я вылечил

от смертельных ран полученных от самки леопарда, силой захватил моих сородичей и продал на базаре своего города рабами к чужим людям. А меня оставил жить у себя. Я бы сумел сразу бежать, но его младшая дочь стала потихоньку петь мне завлекательные песни, а я был молод и безрассуден, о чем не стоит жалеть теперь, ведь от этого безрассудства родился ты. Я сам принимал роды у твоей матери, но не смог ее спасти и она умерла. А когда ты открыл глаза и закричал – я понял, что находясь рядом, при тебе, очень скоро выдам твое истинное происхождение. Поэтому я выхаживал тебя, пока ты не стал бегать, не держась за мои одежды, а после ушел. С тех пор и странствую с мечтою свидеться с тобой, лечу людей и вспоминаю твою мать. Сердце мое так устроено, что ни одна больше женщина не смогла меня завлечь. Племя Рогуш смелые, добрые и безрассудные люди, но оставь их. Ты не вор и не мошенник, ты лекарь по природе своей. Наше племя должно возродиться. Возвращайся к горе Дзеб. Моя душа уже обретает крылья, она будет вести тебя самым коротким и безопасным путем. Тело мое запихни в ствол разбитого молнией дерева, пусть его растащат змеи, ящерицы и крысы. Прощай, сын мой, и до встречи. – Так сказал колдун и умер, не доев угощения и не допив моего вина.

Откуда и куда они плывут, эти белые облака? Наверное, с той самой вершины горы Дзеб. Вот еще верить первому встречному колдуну! Старик наплел тут, под конец своей жизни, скорее всего, для того, чтобы я не бросил его тело

на дороге, а непременно запихнул в тот самый ствол разбитого молнией дерева. Может ему неприятно будет, если потом его обглоданный череп какой-нибудь весельчак станет пинать, от скуки, ногами. Я и сам частенько соблазнялся таким занятием, ни капельки не заботясь, что душа мертвеца обижена и досадует. Ну и схороню я его в этом стволе, хотя бы за то, что мне досталась его штопанная торба, в которой завалилось, довольно приличное количество, кремниевых камушков для высекания огня, пара плошек из обожженной глины и много маленьких человеческих и звериных фигурок из железного камня.

Эта гора Дзед там, где от нашей заповедной пещеры есть тропинка, не та, по которой мы приходим и уходим, а другая, которая ведет дальше, за скалы, через страну павианов. Ветер странствий дует мне в спину, до пещеры ходу еще семь дней и семь ночей, а по дороге еще два селения, в которых можно и подзаработать, и сменять содержимое торбы колдуна на провизию. Так, что в пещеру я попаду за семь дней до начала сезона дождей. А от пещеры, до горы Дзед топать не меньше, чем три раза по двенадцать дней. И это в самый разгар сезона дождей. Нет, не пойду я к горе Дзед, а если когда и пойду, так только по великой надобности, а не из прихоти умершего колдуна. А тут еще и коза моя, что-то слишком прожорливой стала. Не иначе, как покрыл ее козел из пойманного стада. Значит придется мне еще и не только хворосту в пещеру натаскать, а и надрать по более лозы,

чтобы и козе, и ее приплоду хватило. Так я размышлял таща в одной упряжке со своей козой нашу кибитку, пока не встала передо мной, посреди дороги Ильчи.

Жена

– Это ты испугался гнева моего отца, но не я. Нет мне жизни без тебя и быть тебе моим мужем, как бы ты не пытался выкрутиться. Я бежала из дома за тобой и никакая сила уже не вернет меня обратно.

– Опомнись, девушка! Я из племени Рогуш, мы не женимся, и женщины с нами не живут! Я иду в заповедную пещеру своего племени, и никто не должен знать туда дорогу. Мое племя придет потом и, что я им скажу про тебя?

– Когда ты бежал, некому стало отвлекать песнями ротозеев. Твое племя поймали на воровстве. А поскольку саранча сожрала весь урожай землепашцев, то по законам нашего города, в голодный сезон, все твои соплеменники пойманы и живьем брошены с большой лодки в пасти аллигаторам. Они не пожалели даже старого Крена, который ни у кого ничего не крал, а только поддерживал огонь вашего племени.

Легко странствовать по дороге и знать, что ты не одинок, что впереди ждет тебя встреча с твоими соплеменниками. Тогда есть смысл и в самой дороге. С тяжелым камнем на душе я снял с себя и с козы ремни, тянущие оглобли и забрался среди бела дня в кибитку, чтобы молча поплакать и сосредоточиться, а Ильчи сказал:

– Раз ты решила стать моей женой, иди и паси козу, пока я думаю.

Как тут ни думай, как ни гадай, а Ильчи обратно не прогнать, да и сам я по ней скучал. Только вместе странствовать, это не в кибитке миловаться. Жену кормить и одевать надо, а у меня у самого сандалии уже, не помню когда, сношены, а новые так и не завелись. Я-то и босиком привычный, а она... А она не долго козу пасла, подошла ближе и говорит:

– Слезами горю не поможешь, а я тебе обузой не буду. Еще солнце сесть на землю не успеет, как ты трижды пожалеешь, что не взял меня с собой в дорогу раньше. За спиной у меня своя торба, а в торбе все мое приданое. Там и кожа аллигатора, и острые костяные иглы, и жилы, которыми я сошью тебе сандалии. Ты ж ничего в жизни не смыслишь. Жену люди заводят, чтобы легче было прокормиться и не корчиться в одиночку в сезон дождей.

С этими словами она забралась в мою кибитку и утешила меня так сладко, как я и в мечтах о ней не догадывался, что такое возможно. И я, действительно, пожалел, что весь этот долгий путь странствовал без нее, без моей прекрасной и нежной Ильчи. А когда мы втроем впряглись в нашу кибитку и весело зашагали по дороге – путь наш стал таким легким, будто дорога сама отталкивалась от наших ног, убегая назад, в то мое одинокое прошлое. И я снова пожалел, что не шагал вот так с ней рядом раньше. Еще день не успел закончиться, как мы пришли в селение, в котором, по моим расчетам, должны были оказаться среди ночи. Конечно, это была, несомненно, заслуга Ильчи и я в третий раз пожалел,

что не шел с ней рядом от начала пути.

Знакомое селение

В этом селении меня хорошо знали – я, в прошлую нашу стоянку, помогал местному колдуну изгонять порчу из жены гончара. Колдун шептал над ней заклинания, а я обложил ее капустными листьями и весь день поил капустным рассолом и кормил отрубями. Тогда из нее вышло много белых червей и она поправилась. За что гончар дал колдуну большой горшок с мукой. Тот муку оставил себе, а пустой горшок подарил нашему племени.

Вот и сейчас колдун встретил меня, как родного, поздравил с первой женой и позволил поставить кибитку во дворе своей хижины, чтобы мы не ночевали на дороге.

И всю ночь наша кибитка ходила ходуном от брачного танца. А на рассвете я подумал, что готов умереть за свою Ильчи, только бы она никогда и никуда от меня не уходила.

Утром, уже не одна коза паслась возле нашей кибитки. Рядом с ней, на тонких ножках танцевали два козленка. Разве это не чудо? Ведь я раньше сезона дождей от нее приплода не ждал!

Не успели мы перекусить, когда к нашей кибитке пришла жена гончара и пожаловалась, что колдун совсем стал старым и без меня ни одну порчу, до выхода белых червей, так ни у кого и не извел. А порченных в селении много, только у нее пятеро детей животами маются, да у младшей жены

живот большой. А рожать ей рано, она мала еще, гончар ее не трогал, так, по случаю, для хозяйства взял.

Ильчи, как только поняла, что старшая женщина обратилась ко мне по делу – свистнула козу и пошла ее пасти в рощу, за дорогу. Я же стал готовить свои снадобья и инструменты и поджидать, когда проснется мой гостеприимный колдун.

Первой из хижины появилась младшая жена колдуна и швырнула мне под ноги вчерашние черствые лепешки. Странно, в прошлый раз, когда я тут был, она так ласково мне улыбалась...

Перешагнув через лепешки, я пошел с моей Ильчи пасти нашу козу с козлятами. Пусть теперь колдун сам меня дожидается. Ильчи сегодня не доила козу, она наловила в ручье раков, насобирала виноградных улиток, развела костерок, замесила из моих запасов тесто и, раскалив на углях большой горшок, пекла нам лепешки на воде, а в маленьком горшочке весело и ароматно булькала раковая похлебка. Жена, конечно, не старый Крен, но должен же я, хоть с кем-нибудь, посоветоваться.

– Особой странности тут нет – сказала Ильчи – младшая жена колдуна ревнует ко мне тебя, такого молодого и красивого и страшно досадует, что ты женился. А старый колдун вообще никчемный дурак, но пусть об этом будем знать только мы с тобой. Ничего ты в этом селении без него не делай. Слушай его внимательно, не забывай каждый раз благо-

дарить за науку, но поступай по своему, как подскажет тебе твое чутье.

Так вкусно и сытно я не ел ни разу в жизни, хотя моя коза не давала мне повода голодать. Когда колдун разыскал меня, я сытый и довольный жизнью, сидел возле ручья и драл с ивовых прутьиков лыко. Ободранные уже прутьики лежали в ручье, придавленные камушком, а из тоненьких полосочек лыка Ильчи чего-то искусно сплетала. Колдун понял, что мы не дурака валяем – за извинялся. Но ему очень нужна моя помощь.

Я с радостью согласился помочь великому и могучему колдуну, только пусть моя кибитка стоит не у него во дворе, а здесь, возле ручья, и чтобы за помощь ему он со мной расплачивался не пустыми горшками, а чем-нибудь более съедобным. А то, ведь, я теперь не какой-нибудь голодранец, а женатый человек.

А во дворе колдуна уже стояла толпа народу, и по их желтым белкам глаз, было ясно, что все они живьем кормят белых червей. Старшая жена гончара уже притащила, как я ей велел, целую корзину капустных кочанов и бочку с капустным рассолом. Тут же развели костер, расстелили тростниковые циновки, уложили страждущих, я растолок в своей ступке полынное семя, колдун взял в руки бубен и мы с ним стали изгонять порчу из его соплеменников.

Ох, и трудный был день. Особенно надорвался бедняга колдун, правда, его жены усердно ему подпевали и припля-

сывали, но до исхода червей он не дожил, замертво упав возле опустевшей бочки капустного рассола. И, как только он испустил дух, из людей стали выползать черви. Мы с Ильчи с трудом успевали цеплять их на палки и бросать в огонь. Уже солнце запалило макушку орешника, когда все закончилось. Ко мне подошел гончар и другие мужчины селения.

– Колдун покинул нас, а где ты видел племя без своего колдуна? Осталась его хижина, его хозяйство и его жены. Детей он так и не прижил ни с одной из них. Нельзя, чтобы хижина стояла без мужчины. Нельзя и племени без колдуна. Оставайся, бери его хижину и его жен, ты нам всем нужен.

Другой бы, наверное, с радостью на такое согласился, но я им сказал, что мне нужно очиститься после тяжелой работы и подумать. Так я сказал этим почтенным мужчинам, поклонился и отправился в свою кибитку, где уже ждала меня моя Ильчи.

– Жена моя единственная, что ты мне скажешь?

– Скажу тебе я две правды: Одна правда в том, что я не видела твоей заветной пещеры и не знаю, как там возможно пережить сезон дождей, а здесь тебе предложили сухую хижину со всем добром и почетное место колдуна, которое будет кормить тебя до последнего зуба. А другая правда в том, что со всем этим ты становишься мужем еще трем женщинам, а сердце мое не сможет терпеть, если ты будешь с ними добрым и ласковым, это значит, что мира в этой хижине не жди. Я же не для того за тобой бежала по пустынным до-

рогам, берегла себя, прячась в канавах от встречных путников и рискуя быть съеденной придорожным зверьем, чтобы уступить первым встречным вдовам. Вот и решай, как нам быть.

И я решил. Утром пришли к нашей кибитке мужи племени, а я им и говорю:

– Добрые люди, судите сами: И трех дней не прошло, как я женился на своей первой жене. Я еще не успел насладиться ей, и она не насладилась мной. Все свободное время мы только тем и заняты, что раскачиваем нашу кибитку в брачном танце. А жены колдуна в, честь траура, должны быть утешены. Смогу ли я быть сосредоточенным, как положено колдуну? Сумею ли сохранить свою колдовскую силу в такой семье? Ищите в эту хижину другого хозяина. Три дня траура я еще побуду возле вас, а потом уйду, чтобы поспеть в надежное укрытие до сезона дождей. Пусть за эти три дня приходят к нашей кибитке все болящие, я готов каждого лечить за горсть муки, двенадцать орехов и плоску масла. Так и вы сезон дождей, авось, без колдуна перетерпите, и я сохраню свою колдовскую силу, чтобы и дальше жить своим ремеслом. После моих слов мужи ушли думать.

Дом

Думали они не долго. Я еще не успел разложить свои инструменты, для приема больных, как они уже вернулись.

– Уважаемый Шу, покажи нам место, где мы поставим тебе твою хижину.

– Пусть моя хижина будет стоять там, где стоит сейчас моя кибитка. Негоже колдуну жить посреди селения. Сколько людей, боясь пересудов, терпят боль и не идут лечиться, только бы соседи не узнали, что они больны. Здесь всегда есть чистая вода и за ручьем растет много трав, которые нужны мне для колдовства.

– О великий Шу! Разум твой светел не по годам! Не иначе, как духи наших предков привели тебя к нам. Отныне ты будешь не только лечить наших людей, но и учить наших детей, чтобы они выросли такими же мудрыми и справедливыми. А за это ты будешь получать от нас столько муки, зерен и орехов, сколько тебе понадобится, все охотники нашего селения будут делиться с тобой своей добычей.

– Нет, я не буду учить всех ваших детей. Пусть дети охотников и землепашцев остаются охотниками и землепашцами. Приведите мне самых слабых детей, которых вы приготовили для задабривания Голодной Пумы в сезон дождей, я буду готовить из них настоящих колдунов, а Голодную Пуму выследите и убейте, пока она не сожрала мою козу, а то без

козьего молока я потеряю колдовскую силу. Это мое последнее слово.

Когда мужи ушли, Ильчи сказала:

– Я всегда видела в тебе своего царя, а теперь я вижу, что ты способен стать царем народа. Значит, я не зря бежала из дома отца, отказавшись от теплого очага, сытой жизни и прочной крыши над головой. Ну и отдал бы он меня седьмой женой первому стражнику уездного князя, и сидела бы я взаперти и старилась. С тобой же мы покорим целое царство. Только ты и впредь советуйся во всем со мной, даже когда я постарею, а у тебя будет много молодых и красивых жен и наложниц.

Очень скоро возле нашей с Ильчи кибитки закипела работа. Люди местного племени прикатили большие камни-валуны, развели под ними огонь и, когда камни раскалились, вылили на них огромный котел студеной воды. Самые большие треснувшие пополам камни, положили плоской стороной на четыре угла, на землю, с которой удалили предварительно весь дерн. Из остальных камней сложили очаг, обмазав его снаружи и внутри глиной с песком. Они свалили в ближайшей роще большое дерево, содрали кору и распилили его. Одного этого дерева хватило на прочный каркас моего будущего дома.

Дети

Женщины привели детей, которых племя уже приготовило для жертвы Голодной Пумы. Это были семь мальчиков, и пять девочек. Из них трое мальчиков и одна девочка были слепы, у одного мальчика оказались сросшиеся пальцы на обеих ладонях, одна девочка-горбунья, один мальчик-карлик, а остальные просто хромоножки. Вся эта ребятня была очень грязная, совершенно голая, не обученная человеческой речи, явно недокормлена и совершенно ослаблена. Ильчи их накормила, и весь день обтирала полынным соком, чистила от блох, обучая детей основным правилам здоровой жизни. Лучше всего приспособились ловить на себе и товарищах насекомых слепые дети. Я уже тогда понял, что самые способные колдуны выйдут именно из слепых детей.

Малыши быстро к нам привязались. Они были усердны и старательны, слова наши схватывали на лету и начали говорить уже на пятый день. Возраста они были одного, потому что именно после пятого сезона дождей мужчине разрешено смотреть на свое потомство. Именно в это время и происходит выбраковка, поскольку сами женщины не способны критически оценивать детей.

С нашими подопечными нам удалось успеть собрать и засушить много соломы из которой Ильчи сплела столько циновок, что их менять можно было бы каждый день на протя-

жении всего сезона дождей.

Дом получился сухой и теплый. Даже у старого колдуна пол был земляной, а у нас настелены струганные бревна, как в родовом святилище. И это не удивительно. Если племя уступило мне сезонную жертву Голодной Пумы, значит, они теперь верят в меня и мою силу более, чем в жадных духов сезона дождей и их коварное воплощение, Голодную Пуму. А наши приемыши более всего молились на мою козу и на двух ее неугомонных козлят. И не просто молились – они дали ей имя! И теперь коза не просто коза, а Сладкая Сиська. А козлят прозвали Прыгунья и Брыкун.

Голодную Пуму охотники выследили и убили еще за три дня до сезона дождей. Я дал им густого отвару синих грибов, в нем они вымочили наконечники своих стрел и копий. Этим отваром они еще натерли ствол дерева, об которое Пума любила точить когти. Теперь шкура Голодной Пумы лежит на моем полу и на ней играют дети.

Два слепых мальчика и девочка прозрели. Достаточно было несколько дней промывать их глаза травяным отваром, как они прояснились и заблестели. И только один мальчик остался безнадежно слепым. Но его руки видели больше, чем очи зрячих. Я дал ему имя Снег, потому, что он необычно белый, как снег с вершины горы Дзеб, и даже волосы его были невероятной белизны. Снег быстро научился определять травы. Его чутье настолько сильное, что он безошибочно мог указать, где какая трава растет. Задолго до прихода гостя,

Снег мог сказать, кто к нам собирается и зачем. От него бесполезно было что-либо прятать, а хворь он узнавал, проведя рукою по человеку. Снимать боль Снег умел от рождения. И такое сокровище племя собиралось отдать на съедение зверю.

А девочку-горбунью мы называли Куколка. Она не отходила от Ильчи ни на шаг, стараясь помогать ей во всем. С утра до вечера суежилась по хозяйству, да так проворно... Ее ручками была сшита и аккуратно починена вся одежда нашей семьи. Если другие четыре девочки все больше играли, то Куколка, просто боялась лишний раз присесть.

Не все хромоножки остались хромать. И к концу сезона дождей я вернул племени здоровых детей, оставив себе Снега, Куколку и Уткорука – так я назвал мальчишку со сросшимися пальцами, потому, что пальцы не просто были сросшимися, а их соединяли перепонки, как на лапках утки или лягушки. Я бы смог попытаться вырезать эти перепонки, но зачем? Ребенку будет больно, руки же его и так достаточно проворны. Кто знает, для чего он таким родился? А карлик перестал быть карликом и обогнал в росте всех своих сверстников. Двух же косолапых мальчишек у меня взял к себе в обучение гончар. Он сам когда-то был хорошим и быстрым охотником, но вепрь покалечил ему ногу и не дожидаясь изгнания, покалеченный охотник освоил более сподручное ремесло. За время сезона дождей мы подружились с гончаром. В сырую погоду старая рана болела, и он часто заходил

в нашу хижину снять боль и полюбоваться на большого белогрудого орла, которого со сломанным крылом ребятишки подобрали за деревней, в поле. Конечно, это была их добыча, и они имели полное право свернуть птице шею, обципать и зажарить на костре. Так поступают все нормальные дети, но эти дети поступили иначе – они его вылечили и собирались отпустить в первый же солнечный день. Ильчи только смеялась:

– Эти дети все в отца своего, а отец их ты!

И кончился сезон дождей, и воссияло солнце. И вывел я всю семью свою в поле, и выпустили мы на волю белогрудого орла. Высоко взлетела большая и гордая птица. Долго кружил орел в небе, пока не упал камнем в заросли тростника, а потом вернулся, неся в когтях жирную водяную крысу, и бросил ее к моим ногам. Он еще и еще летал, принося кроликов, гусей и уток. Вернулись мы в хижину, к закату, с большой добычей. Орел же свил гнездо на макушке ивы, что склонилась над ручьем возле нашего дома, и стал там жить, зорко охраняя наше жилище от гиен, проказливых маргышек и змей.

Роды

Ильчи стала задумчивой. Я уж было решил, что она загрузила по родному дому, но Снег сказал мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.